

A person with a large backpack stands on a rocky ledge, looking out over a vast landscape. In the foreground, there are stone ruins. The middle ground shows a dry, yellowish field with scattered green trees. In the background, there are mountains and a large, bright sun in a blue sky with white clouds. The overall scene is a mix of natural beauty and ancient civilization.

В ПОИСКАХ ДУХА СВОБОДЫ

Центральная Америка

Максим Самойлов

Максим Д. Самойлов

В поисках духа свободы. Часть 1. Центральная Америка

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69007522

В поисках духа свободы. Центральная Америка / Самойлов М.Д.:

Спорт и Культура; Москва; 2020

ISBN 978-5-00171-677-8

Аннотация

Круговорот дел и событий, будней и праздников, заданий и встреч. Одних и тех же, год за годом... Так пролетает жизнь, и мало кто решается разорвать этот круг. И вот мы уже не помним, чего хотим, к чему стремимся, куда и зачем идем.

А можно ли по-другому? Оставить все на целый год, чтобы окунуться в самобытную атмосферу Центральной Америки, где наконец-то появится шанс встретиться с самим собой? Отправиться путем первых конкистадоров – из Испании в страны Нового Света: Мексику, Панаму, Гватемалу, Коста-Рику... Увидеть своими глазами остатки неповторимой культуры индейцев, встретиться лицом к лицу с величайшими чудесами света, попытаться подобрать ключ к самым таинственным загадкам истории.

Именно на это решился автор книги, надолго расставшись с привычным миром, чтобы покорять неизведанные страны на далеком континенте. И вместе с ним мы можем пройти этот путь, отдаться впечатлениям новых земель, познакомиться с чужеземными нравами, узнать больше о природе и обычаях этих далеких мест. Книга приглашает нас в увлекательное путешествие по странам Латинской Америки. Путешествие, которое мы можем совершить, не выходя из дома. И может быть, опыт автора вдохновит нас предпринять изменения и в своей жизни. Сделать то, на что мы никогда не решались. Чтобы снова вернуться к самим себе.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3.1	21
Глава 3.2	37
Глава 3.3	54
Глава 3.4	67
Глава 3.5	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Максим Самойлов

В поисках духа свободы.

Центральная Америка

*Посвящается той, кто без сомнений следовал
за мной, кто терпел меня и поддерживал в
самые сложные моменты, кто разделял со мной
невероятную радость и чистоту красок этого
мира. Той, кто всегда знает, как я люблю её
...моей Полине*

© Самойлов М.Д., 2020

Глава 1

План побега

Всё дано тебе. Твоя тропа прямо перед тобой. Иногда её не видно, но она здесь. Ты можешь не знать, куда она ведёт, но всё равно ты должен следовать по ней. Это тропа к Создателю. Это единственная существующая тропа.
Леон Шенандоа, ошондага

У каждого из нас свой план побега. Все мы в детстве не любили ложиться спать или есть полезную, но невкусную еду, не любили, когда родители заставляли слушаться и делать вещи, казавшиеся нам тогда совершенно глупыми. Иногда было до смерти обидно не иметь возможности делать то, что хочется тебе. Может быть, именно с тех пор в каждом из нас укоренилось стремление к побегу. Спрятаться под кровать или одеяло, свернуться клубком, выждать и, только почувствовав, что ушла нестерпимая обида от бессилия что-то исправить, выйти обратно. Наличие плана побега для нас – такая же реальность, как умение дышать или способность мыслить. Хотя мы не рождаемся с ним, но, несомненно, стремимся к его разработке и продуманности. Он постепенно вырастает в нас, крепнет, пускает корни в каждый уголок нашей жизни. Ветвится, как баньян, и мягко пронизы-

вает всю ткань нашего существования. Мы можем его не замечать или намеренно игнорировать, но это не мешает идее побега расти и крепнуть. И если поначалу после очередной ссоры с родителями мы хотим бежать из дома, то в дальнейшем стремимся убежать от бытовых проблем, от коммунальных платежей, от новостей по телевизору, от работы и, в конце концов, от самих себя. Побег – это сублимация безопасности, наш последний рубеж: мы надеемся на него, когда всё плохо, и оставляем в резерве, когда всё хорошо.

Нам кажется, что самое прекрасное – это наше детство. Эта беззаботная пора дарила нам радость открытий, игры с друзьями и уйму свободного времени. Но, помимо этого, ограничивала нас в перемещении (ведь далеко от себя родители никого не отпустят), была наполнена слабостью и беззащитностью, невозможностью постоять за себя. И только став взрослыми, мы открываем для себя невообразимое прежде количество жизненных дорог: теперь мы действительно можем прожить такую жизнь, о какой мечтали в детстве, или даже получить опыт нескольких жизней разом. Но мы, изначально воспитанные несвободой, боимся потакать детской мечте. «Я же был всего лишь ребёнком. Что я мог понимать в жизни?» – примерно так думает большинство из нас. И мы утешаем своё внутреннее эго, пестуем свою несостоятельность и боязнь своих желаний. Мы, как и в детстве, идём по протоптанным кем-то дорогам, потому что с пелёнок нас приучали не сходить с пути. Мама, держа за руку, вела нас за

собой, и, хотя по обеим сторонам дороги было куда интереснее, её голос постоянно окликал нас: «Ну, хватит уже, пойдём быстрее». Так и продолжаем мы идти когда-то выбранным за нас направлением: сначала в школы, потом в институты, а после и в офисы. Люди тратят время на нелюбимую работу, живут в нелюбимом районе, занимаются нелюбимыми делами и утешают себя тем, что так живут все. Мы потеряли желание что-либо открывать и радоваться известиям, следуя правилу «отсутствие новостей – хорошая новость». Но план побега продолжает жить внутри каждого из нас. Мы всегда знали, чего именно хотим от жизни, пусть и в глубине души, но нас научили бояться этого, научили, как стереть это из памяти, чтобы жить стандартно. И многие из нас утратили веру, но не забыли самое главное: мы пришли в этот мир свободными, и мы вольны выбирать.

Мой план побега тоже всегда был со мной, возможно, в неоформленном виде, может быть, не имеющий чётких очертаний и границ. Но я всегда знал, что способен на поступок и так же, как и каждый из нас, смогу при случае последовать за белым кроликом в глубокую нору. У меня появилась неоценимая возможность замедлить бег своей жизни, посмотреть по сторонам и успеть порадоваться тем мельчайшим деталям и ярким краскам мира, которые меня окружают. Тогда я понял, что, лишь остановившись самому, можно увидеть не только бегущих рядом людей, с которыми ты был в потоке совсем недавно, но и тех, кто уже стоит и про-

сто улыбается. Каждый твой вдох становится осознанным – и начинаешь, кроме гула машин, слышать шум деревьев, а вместо душных маршруток ощущать тепло солнечных лучей. Если раньше еда представляла собой быстрые перекусы, во время которых приходилось ещё отвечать на телефонные звонки, то теперь это становится ритуалом осознанного употребления пищи. А спешку к новому месту встречи для делового общения заменяет неторопливая прогулка по парку. Жизнь для меня теперь наполнена *моим* личным смыслом.

Большой город, постоянные пробки, толпы спешащих людей, даже воздух напитан грузом нерешённых человеческих проблем. Постоянный круговорот машин, людей, людей-машин... И ты уже не замечаешь, есть ли разница между механизмами, работающими на человека, и человеком, работающим, как механизм. Это беличье колесо раскручено по максимуму, и кажется, стоит только остановиться, как оно утащит тебя вверх – и ты разобьёшься. Оно заставляет нас крутить его быстрее и быстрее, чтобы быть ещё успешнее, становиться более конкурентоспособными, скорее добиваться навязанных обществом целей. Нас учили, что если сойти с дистанции, будешь неудачником, что работа на благо общества – это лучшее признание успехов. И вот миллионы беличьих колёс, составляющих единый механизм системы, с диким скрежетом всё быстрее раскручивают его, заставляя всех нас участвовать в безумном танце, в котором можно остановиться лишь с последним ударом сердца. Системе

необходим каждый из нас, она в нас нуждается – иначе каким образом этот всё тяжелеющий и усложняющийся механизм, обрастающий новыми шестерёнками, будет двигаться дальше? Но у любого из нас есть повод сойти с дистанции. Нет, не остановиться, а именно сойти. Ведь остановка в колесе – это смерть, и только приняв отсутствие необходимости «колеса», можно из него выйти. А выйдя, вздохнуть полной грудью и выбрать скорость, наиболее комфортную для вас, для движения к реальной осознанной цели.

Современные люди не молятся богам и не чтут предков. Они думают, что всё подчинено случайностям. Им не нужно выращивать еду и заботиться о кочевых стадах. Они могут всё купить в магазине. Они разучились жить в гармонии с собой и окружающим миром и стали больше похожи на однолетние растения, а не на мощные деревья с крепкими корнями. Оттого и желания их измельчали. Деньги, машины, дома – это все стандартные предметы, круг интересов замкнут только на них. Мало кто сегодня мечтает сделать великое открытие или изменить весь мир, изобрести лекарство от всех болезней или вечный двигатель. Прагматизм ядом проник в наш организм, заставляя всё чаще заменять слово «мечтать» на слово «планировать».

Мы стали безумцами, которые скачут многолюдными табунами в стремлении удовлетворить жажду денег и свои желания. Куда подевались наши пылкие сердца, желающие перемен? Наверное, мы просто повзрослели. Нам уже не ин-

интересно играть в индейцев и пиратов, и всё чаще мы примеряем на себя роли бизнесменов и менеджеров. Мы утонули в наших городах, воспринимая весь остальной мир лишь как нити дорог, связывающие нас с такими же мегаполисами. Ещё полвека назад Татанга Мани писал: «...сама по себе жизнь в городе искусственна. Многие люди вряд ли когда чувствуют настоящую землю под своими ногами, видят растения растущими, кроме как в цветочных горшках, или оказываются достаточно далеко от уличных огней, чтобы поймать очарование ночного неба, усыпанного звёздами. Когда люди живут далеко от мест, созданных Великим Духом, им легко забыть Его законы». Вот мы уже почти и позабыли всё, что не связано с выгодой и извлечением прибыли. Мы забыли, где оставили свою мечту, отвлѣкшись на блеск монет. Но я уже устал опустошать, я хочу чем-то наполнить это окружающее пространство и себя самого. Я хочу наконец-то начать созидать.

Принцип дауншифтинга изначально родился как концепция снижения жизненных оборотов, переключения на более низкую передачу, что дает возможность переосмыслить личные ценности. И если для одних это уход от цивилизации в глухую деревню или смена привычного места жительства на индийский штат Гоа, то для других – возможность начать заниматься тем, что они давно хотели воплотить в жизнь, но никак не решались. Мы всего лишь рабы своего страха, страха за наше будущее, страха перед неизвестностью. Ведь

насколько проще находиться в обстановке всего знакомого и понятного, пусть надоевшего или даже причиняющего боль. Мы пытаемся успокоить себя, что всё пройдёт, всё уляжется и образуется без нашего участия, но горы не разрушаются без воздействия воды и ветра. Главное – стать для себя катализатором грядущих изменений, найти силы и сделать первый шаг, чтобы потом не жалеть долгие годы об упущенной возможности и нереализованной мечте. Мой путь начался с маленького шажка, но я верю, что с каждым следующим шагом я буду крепче держаться на ногах, отвыкших ходить после стольких лет постоянного бега.

Глава 2

Аэропорт

Всё движется, в этом – жизнь. Всё меняется, в этом – время. Всё проходит, в этом – мудрость.
Неизвестный автор

Холодный пол аэропорта. Гладкий керамогранит с каменными прожилками. Тысячи ног. Перед глазами проносятся туфли пассажиров: начищенные до блеска, перемежаются с ботинками, задыхающимися от пыли, кроссовки с оранжевыми шнурками мелькают в очереди кед, сланцы щеголяют рядом с чопорными туфлями на каблуках. Много ли может обувь рассказать о своём владельце? Вот пошёл мужчина средних лет, возможно, канцелярский служащий или продавец домашней утвари – обувь не новая, но ухоженная. А вон тот, совсем молодой человек, может, танцует брейк или читает рэп – кроссовки на толстой белой подошве, широкий язычок, красивая шнуровка. Тонкий высокий каблук, уверенная походка: этим туфлям уступает дорогу вся остальная столпившаяся здесь обувь, а многие ботинки, кажется, даже поворачиваются проводить вытянутыми носами уходящую вдаль пару – вероятно, владелица держит бутик модной одежды или салон красоты. Умею ли я распознавать род занятий по обуви? Умеете ли вы? Может ли хоть что-то в об-

лике вообще рассказать о человеке или же его личность всегда тайна за семью печатями?

Мне кажется, походка может многое поведать о владельце, о его статусе, взгляде на жизнь... Да нет, вроде обычные босоножки, но как уверенно и независимо ступают – может, художница или архитектор, а может, просто счастливая особа. Вот разговариваете вы с человеком, а он злится, раздражается, хмурится постоянно, и на ум само собой приходит, что он злой, нехороший. Но может, у него просто день неудачный, а обычно, возвращаясь домой, он целует любимую жену и обнимает двоих детей, оба мальчишки, один русский, а другой светленький, или единственную дочку в нарядном платьице, которая тянет к нему маленькие ручонки и с восторгом кричит: «Папа! Папа!» – а ты его злым считаешь. А посмотришь на обувь человека – по ней всё понятно, ни обмана в ней нет, ни заискивания, ни подхалимства, это же только обувь. И человек уже становится открытым и понятным (а может, мне только кажется, что я его понял), но больше не сторонись его, а чётко понимаешь, как следует к нему относиться дальше.

А сумки... Да что сумки? Вот стоят два наших рюкзака. И целая жизнь в них, всё с собой: и еда есть, и одежда – кто знает, что может пригодиться человеку завтра? Люди копят вещи, набивают ими квартиры, квартиры становятся тесными – они покупают новые дома, в этой круговерти не замечая, что не нужно много, а довольствуясь малым, мы возвраща-

емя ближе к своим истокам. Вот серый рюкзак-дом, а чуть поодаль – зелёный. Стоят – не шелохнутся, будто ждут: вот-вот вернуться хозяева и непременно вдохнут в них жизнь. Теперь кроме рюкзаков – ничего, но носить их с собой придётся постоянно, и это хорошо. Вот так взял свой «дом», приспособил его к себе, чтобы комфортнее было, уютнее – своё же, не чужое – и пошёл куда глаза глядят, а захотел – остановился или вовсе прилёг на ночлег. Кто-то в квартире живёт, а кто-то дом строит с гаражом или мансардой, и чтобы приусадебный участок был для пикника, а ещё лучше – река или озеро. А наш дом с собой, компактный, удобный, достать можно всё, что угодно, сразу. Это в квартире ничего не найдёшь – там вещей много. Бывает, положишь отвёртку куда-нибудь и ищешь её потом неделю, а всё из-за того, что раньше ты её в одном шкафу оставлял, но вдруг решил, что из другого брать будет удобнее, и переложил, в итоге целая неделя «коту по хвост». А в рюкзаке всё только самое важное. Смотришь на него и понимаешь, что не нужно человеку в жизни больше вещей, чем он может унести. Пользуешься самым минимумом, а дискомфорта нет.

Человек старается «обрасти» вещами, покупает ещё и ещё. Вот уже второй автомобиль, третий телевизор или четвёртая дублёнка. Становится всё толще, покрываясь новыми слоями предметов, всё массивнее, с каждым днём теряя свою уверенную походку. И вскоре он уже сидит на диване или в кресле и сам не замечает, что испытывает желание встать,

только чтобы купить ещё более удобный диван или кресло. А рюкзак – это хорошо. Хорошо, что в рюкзак нельзя поместить ни кресло, ни диван. Хорошо, что ещё есть лёгкость в ногах, чтобы куда-то двигаться. Встал уверенно на две ноги, взял рюкзак – и только хотел пройти по аэропорту в рыжих кроссовках и с зелёным рюкзаком, а твой рейс уже объявляют. Громко так, два раза: «Начинается посадка на Мадрид, гейт номер 21».

Мне всегда было любопытно, надоедает ли девушке с микрофоном каждый раз повторять сказанное – может, её это жутко раздражает, а может, наоборот, она радуется, что если первый раз произнесла невнятно, то второй раз получится чётко, без запиночки. Интересно, при собеседовании на работу им задают вопрос об окончании школы ораторских искусств или просто смотрят на обувь и понимают, что человек хороший, стоящий, объявлять будет чётко и с положительным настроением? Хорошо, что в аэропортах работают такие положительные люди, хотя им наверняка трудно. Жаль, что они не проводят мастер-классы для автобусных диспетчеров и железнодорожных проводников, и даже на борту самолёта уже словесная анархия по сравнению со светлым, чистым, хоть и людным аэропортом. Почему не устраивают саммиты транспортных подразделений? Есть саммиты финансовые, экологические, культурные, а транспортных нет. А люди могли бы собираться там, садиться в круг, лучше без стульев – прямо на ковёр, для более доверительной обстановки,

и тренироваться, чётко проговаривая каждое слово. И, быть может, зарождалась бы в такой атмосфере добра и комфорта новая эра транспортного сообщения.

Ещё двадцать минут до конца посадки. Я смотрю на Полину, она на меня, мы улыбаемся и понимаем, что всего несколько мгновений отделяют нас от пути длиной в полжизни. Люди, словно крупные, размашистые мазки импрессиониста, заполняют «полотно» залов ожидания, бутиков с парфюмом, небольших кафешек с невкусной, но крайне дорогой едой. И боюсь, я никогда не смогу понять дельцов, зарабатывающих неоправданно высокой ценой на обычных человеческих потребностях в еде и сне, когда люди, не имея никаких альтернатив, идут к кричащим вывескам «Невкусно и дорого». В этом бурлящем котле человеческих жизней ощущается какая-то сила, заполнение пространства эмоциями и мыслями. Каждый из потока сосредоточен, собран и целеустремлён. Здесь нет отдыхающих, здесь все ожидающие. Они ждут объявления посадки, ищут глазами нужный выход, оценивают размер очереди, количество оставшихся часов, и даже те, кто, на первый взгляд, просто сидит, на самом деле томительно убивают своё время. Здесь нет вальяжного, томного ожидания. В аэропорту каждый уповает, что именно его «ковчег» сегодня по воле случая, божественного провидения или диспетчера, что не так уж важно, не заблудится в небесных просторах, а ровно в назначенный час впустит его в металлическое чрево и, по-хозяйски предоставив крес-

ло, спросит: «Что будете? Воду с газом или без?». А в ответ услышит учтивое: «Томатный сок, пожалуйста».

Коммерсанты, туристы, вахтовые рабочие, спортсмены – это место способно объединить совершенно разных личностей. На демонстрациях люди схожи политическими взглядами, на стадионах – азартом от игры и стремлением поддержать любимые команды или игроков, на концертах – кумирами. А в аэропорту цели у всех разные, но в то же время цель одна – как можно быстрее покинуть его. Желание поскорее сменить простор залов ожидания на узкие кресла и постоянное чувство, что колени, должно быть, самая ненужная часть твоего тела на борту самолёта, и было бы неплохо их тоже сдать в багаж. Это желание читается на каждом лице, в каждом движении. В аэропорт приезжают только для того, чтобы поскорее отсюда уехать. Аэропорт переплетает тысячи судеб, оставляет надежды на встречи, даёт возможность достижения успехов, исполняет желания и рушит чаяния. Это небесные ворота, соединяющие, как порталы, всю планету и опутывающие воздушными нитями рейсов небосклон вокруг нас. Они, подобно лимфатическим узлам, стоят на страже нашей самой большой в жизни ценности – ценности нашего времени.

И если паутина аэропортов, распускающая свои нити из мировых столиц до самых укромных уголков мира, – лимфатическая система, то сердцем всего этого действия является duty free. Здесь сосредоточены сотни вожелений людей,

разделённых по половому признаку. Будто весь мир помещался на алкоголе и парфюме, будто только ароматы дорогого коньяка и ещё более дорогих духов способны сводить человека с ума. Здесь очереди алчущих готовы вечно ждать своего приговора в чеке, эта томящая боль желанна и труднодостижима. И каждый человек с блаженством протягивает пластиковую карточку в желании получить заветный пузырьёк, будь то виски или туалетная вода. Да и есть ли разница, если суть каждого из них в одной и той же составляющей? Это варьете брендов готово танцевать своими вывесками без устали. Здесь «Dior», «Glenfiddich», «Lacoste», «Courvoisier», «Chanel», «Dewar's», «D&G». Пакет за пакетом покидают этот рай шопоголиков. Не удержавшись, оставили свой след в одном из магазинчиков и мы, взяв себе «на память» о Москве две фляжки французского коньяка «Samus», чтобы вспоминать о родине на далёких берегах Иберии. «Пассажиров, вылетающих рейсом «Мадрид», просим срочно пройти к гейту номер 21».

Посадка заканчивается, но этот конец означает лишь начало чего-то другого. И вот эскалатор медленно пронесёт нас мимо «сырной» крыши кафешки, усеянной дырками, наподобие лакомства, приготовленного братьями мышонка Джерри. «Sinnabon» манит запахами своих аппетитных булочек с корицей, но мы неуклонно приближаемся к улыбающейся девушке в сиреневой блузке, с милым зелёным шейным платком. Два паспорта, два посадочных талона, фраза

«счастливого пути» – и вот мы в шаттле, который за пару минут доставляет нас к ожидающему своих пассажиров самолёту. Мадрид, мы уже летим к тебе!

Глава 3.1

Viva! Мадрид!

*Важно идти, не важно, медленно или быстро,
достаточно просто идти... если идёшь, ты
движешься вперёд.*

Адриано Челентано

Под крылом самолёта выжженные слепящим золотым солнцем поля. Они лежат на пологих холмах и лишь изредка прерываются пятнами черепичных крыш небольших городков. Самолёт плавно снижается, дома становятся крупнее, всё сильнее теснятся друг к другу и вот уже заполняют собой всё пространство до самого горизонта. Едва заметный удар шасси об асфальт – и самолёт, мелко дрожа, скользит по взлётно-посадочной полосе аэропорта. Бескрайние пассажирские павильоны, подобно сороконожкам, раскинули свои лапы и греются в лучах заходящего солнца. А самолёты, не в силах противостоять влечению, тянутся ближе к «лапам», пока, попав в силки, не перестанут двигаться и издавать гул. Двигатели замолкают, гаснет табличка «пристегните ремни», и радостная толпа врывается в лоно аэропорта.

Кто они, испанцы? Пламенные и пьянящие танцовщицы фламенко, мужественные и молниеносные победители кор-

риды? Быть может, отважные мореплаватели, какими они были в 16–17 веках? Те, кто открыл миру Новый свет и уступил морское господство только флоту Её Величества королевы Англии? Конкистадоры, по локоть в крови прорубающие своими мечами и мушкетами путь к славе и богатству? Те, кто подарил миру великих художников: Эль Греко, Веласкеса, Гойя, Дали, Пикассо? Фламенко теперь танцуют на представлениях для туристов, корриды избегают из соображений гуманности, флот Испании не состоит даже в десятке крупнейших, а в новом свете «на память» об Испании остался только унаследованный, но сильно изменённый язык. Оружие и латы, как и картины, теперь хранятся в музеях, и самое большое, на что они могут рассчитывать, – это внимание вездесущих японских туристов или школьных экскурсий. Да и много ли испанских певцов, композиторов, художников, писателей мы знаем?

Испания стала другой: теперь это не империя и не вотчина диктаторов. Она вобрала в себя по крупицам всю свою уникальную историю, правление карфагенян и Римской империи, завоевание маврами и освобождение от арабов католической церковью, раздел и новое воссоединение, век морских открытий и покорение целых цивилизаций Центральной и Южной Америки, увядание и революцию, господство генерала Франка и вступление в Европейский союз. Она стала поистине туристической Меккой, и теперь «паломники» со всех уголков земли стремятся попасть сюда. Это не стра-

на, которую нужно посетить и умереть, это страна, которую нужно посетить, чтобы жить дальше.

В своём путешествии мы выбрали Испанию неслучайно. Она внесла свой колоссальный вклад в культуру и историю Латинской Америки. Конечно, это было сделано не по доброй воле исконных хозяев далёких земель, навязано крестом и мечом, как когда-то славян заставляли принимать христианство, а в советское время – отречься от него. Испанцы стёрли с лица земли народы и цивилизации в погоне за своим главным богом – богатством. Но можем ли мы осуждать их, ведь история не терпит сослагательного наклонения? Не будь испанцев, и название «Латинская Америка» стало бы пустым звуком, ведь и то, и другое слово своим появлением обязаны им. Испания – это корень зла и источник добродетели, разрушительница старой культуры и созидательница новой. Здесь всё началось, и отсюда берёт свои истоки наш путь. Итак, мы в Испании.

Лабиринты терминалов. Лабиринты туннелей. Станция метро, узкие платформы, люди. Сменив рослые, гладкие, железобетонные остовы аэропорта на ветки метро, замечаешь ускорение витка жизни вокруг себя, словно чем уже пространство, тем сильнее человек начинает спешить и суетиться, и только монументальность заставляет его замедлиться. Улыбки, быстрая речь, импульсивность – будто с каждым словом испанцев переполняют эмоции – они пытаются поделиться ими с собеседником, и тот, подхватывая порыв, на-

полняет его новой силой. Что заставляет нас быть более холодными и замкнутыми по сравнению с южными народами Средиземноморья? Климат, суровость жизни или боязнь открыться? Я думаю, что у испанцев можно и нужно учиться их любви к жизни.

Станция Соль (Sol) – двухэтажный терминал, связывающий три ветки метро под землёй, и площадь в форме месяца под солнцем. В пяти минутах ходьбы от этой площади, на улице Майор (Calle Mayor), нам предстоит остановиться на ближайшие четыре ночи. Центр Мадрида с символом в виде медведя, лакомящегося плодами с земляничного дерева, притягивает к себе невероятное количество людей, а вечером становится ядром уличных представлений, выступлений музыкантов и фокусников. В ровном строе домов мы находим неприметный подъезд с небольшой надписью «Pencion Rodriguez» и понимаем, что всего несколько этажей отделяют нас от отдыха. Деревянная трёхпролётная лестница, узкий лифт на двух человек в открытой шахте – подъезд напоминает питерские дома-колодцы в миниатюре, но в Питере они массивнее, от стен их веет холодом, мрачностью и хандрой, в Мадриде же они как-то уютнее и свежее. Две кровати, небольшой душ, отделённый от комнаты занавеской, шкаф и прикроватный столик – вот всё, что представляет собой наше скромное пристанище. Пансион содержит семейная династия, кажется, с давнего времени. Им он служит как домом (их комната номер 9 всегда открыта), так и средством про-

питания. «Hasta luego», – слышим мы от хозяина, покидая пансион для вечерней прогулки.

Дорога залита послеполуденным солнцем, люди идут неспешно, улицы почти пусты. Доходим до Пласы Майор (Plaza Mayor). Каменная площадь квадратной формы, как и Пласа Испания (Plaza España), стала прообразом почти всех крупных площадей в Кастилии. Наверное, невозможно встретить ни одного мало-мальски значимого городка без тѣзки этого градостроительного эталона. Ближе к зданиям уютятся столики кафе, где неспешно, попивая местное пиво, наслаждаются видами рукотворных памятников европейские туристы; мадридцы здесь не задерживаются. Через небольшие улочки спускаемся к улице Толедо (Calle Toledo). Дома постепенно становятся современнее, сохраняя при этом в экстерьере песочно-солнечные оттенки. Перед нами Глориета Пуэрто де Толедо (Glorieta Puerta de Toledo) – массивная арка, символизирующая ворота, направленные в сторону древней столицы Испании, несколько веков назад уступившей своё главенство Мадриду. Мы поднимаемся вверх по Гран Виа де Сан Франциско (Gran vía de San Francisco) до собора Сан Франциско эль Гранде (San Francisco el Grande). Он похож на крепость с выставленными пузатыми стенами и жестяными куполами, словно это обороняющийся средневековый монах. Идѐм вдоль улицы Байлен (Calle Bailen) к мосту Виадукто (Viaducto), и перед нами внезапно, как по волшебству, взмывает ввысь своими шпилями

Собор Альмудена (Catedral de la Almudena), стоящий лицом к лицу с королевской резиденцией Паласио Реаль (Palacio Real). Мы сворачиваем обратно на улицу Майор в надежде вернуться к королевскому замку послезавтра.

Вечернее солнце стремится к закату, окрашивая стены домов и шпили соборов в огненный цвет. Мадрид – город камня. Дома, мостовые, стены, арки... Кажется, что только небо ещё не собирается проигрывать в этой схватке. Тёсаные камни, подогнанные один к одному, создают причудливые очертания улиц и каркасов сооружений. Они ажурны, но не настолько, чтобы соперничать с арабской архитектурой; пики зданий изящны, но недостаточно высоки, чтобы перекрыть монументальность Центральной Европы. При этом каждое из сооружений пластично, в них чувствуется мягкость и теплота. Здесь камень доведён до абсолюта материала, и даже редкие деревья, зажатые в тиски поребриков, повинувшись судьбе, стараются лишний раз не мешать, бросая тени на здания. Конечно, в Мадриде много парков, больших, чётко спланированных, но они выглядят искусственными, как будто в бархат уличной планировки вшиты ситцевые лоскуты разной формы.

Уютная пивная (*cerveceria*) на улице Майор показалась нам довольно симпатичной, и мы решили передохнуть. Внутри шесть деревянных столиков, на тянущихся вдоль одной из стен полках рядами стоит коллекция бутылок из различных стран. Хозяин, должно быть, кропотливо собирал

её годами, чтобы каждый турист, вошедший в его заведение, улыбнулся, увидев среди экспонатов кусочек своей родины. Конечно, и мы после недолгих поисков обнаружили двух представителей нашей державы. Уже изрядно пыльные, зажатые среди немецких соседей, они стояли, как будто в молчаливом ожидании. Хозяин, лет шестидесяти, невысокий, седой, словно снег, подошёл к нам и поинтересовался, что бы мы хотели. Мы заказали по бокалу местного пива. Привычным движением он достал из холодильника замороженные бокалы и наполнил их на треть. Стекло мгновенно покрылось испариной. На закуску к пиву появился арахис.

Почти в каждом кафе в Мадриде, как и в Италии, вам бесплатно предложат тапас. А что может порадовать русского человека больше, чем что-то, полученное даром? Закусочные здесь повсюду, каждый уголок пестрит предложениями перекусить. Тапасы с анчоусами, с тунцом, с сыром, с хамоном и, конечно же, с томатом. Где, как не здесь, вас научат есть хрустящий ароматный багет с томатной пастой? Бокал приятно холодит руку, освежающее пиво наполняет организм лёгкостью, настроение поднимается и появляется желание двигаться дальше. Мы прощаемся с хозяином, оставляя пару монет «на чай».

Поднимаемся по небольшим улочкам за зданием Королевского театра (Teatro Real). Здесь среди узких проходов улицы Кампоманес (Calle de Campomanes) и улицы Бола (Calle de la Vola) укрылись игровые клубы, казино, стрип-

тиз-бары. Испанские девушки провожают туристов взглядами, за полсекунды оценивая их заинтересованность в развлечениях. Из проулков выходим на площадь. Народу становится больше, шум расплзается с невероятной быстротой, ежеминутно усиливаясь, как будто только и ожидал заката солнца. Он поглощает людей, и теперь уже нельзя различить отдельных лиц; эта масса окутывает нас и уносит по ярким улицам. В районе Эдифисио Каррион (Edificio Carrion) около улицы Хардинес (Calle Jardines) нас выхватывает настойчивый мексиканец, предлагая поесть, и мы ныряем в ресторан. Испанскую речь сменяет английский язык. Голодные туристы теснятся у стойки раздачи, набирая пасту, салаты, паэлью и стейки. Я заказываю кувшин сангрии, и мы присоединяемся к остальным выбирающим ужин. Через два часа мы уже возвращаемся в пансион и ложимся спать.

Утро. Обманчивый сумрак в комнате не даёт понять, сколько сейчас времени на самом деле. Полина уже не спит. На часах семь минут десятого – самое время отправляться в город. Улицы почти пусты, магазины закрыты. Город только начинает открывать глаза после ночного праздника. Через два квартала в направлении королевского дворца находим открытое кафе с необычным названием «100 montaditos», предлагающее на выбор сотню видов тапас, и располагаемся там для завтрака. Бокал холодного «Mahou» с салатом цезарь и круассаном, как будто сотканным из нежного теста, позволяют притупить чувство голода. За завтраком от нечего де-

лать замечаю любопытный пункт в меню. Кафе предлагает разные виды комплектов еды, и один из них – 100 бокалов пива и все 100 видов тапас этого заведения за какие-то жалкие 100 евро. Я представил, как герой фильма «Трасса 60» с наслаждением упивается столь щедрым подарком судьбы, несомненно, шокируя обывателей, а официантка, уже мокрая от пота, только и успевает опускать в тостер новые порции хлеба, одновременно заполняя поджаренные начинкой и молясь при этом Богу, чтобы хватило продуктов.

Кафе, до этого пустовавшее, стало наполняться людьми. Проголодавшийся за ночь город просыпался и желал завтракать. В Мадриде рестораны теснятся один к другому, иногда перекрывая столиками улицы и площади, но каждый из них находит своего клиента. Горожане привыкли жить открыто (и еда не исключение) – они не прячутся в бетонных коробках, занимая душные кухни, не набивают холодильники на неделю едой. Эти люди выходят на улицы, садятся в уютных открытых кафе, вдыхают утренний воздух, пьют ароматный кофе и наблюдают за пробуждающимся городом. Они не скупы и с удовольствием делятся своим настроением и образом жизни с приезжими. Это столица, но она не суетна, не нервна. Кажется, каждый камень здесь знает, что ему делать, и понимает, что в этом мире невозможно куда-либо опоздать.

Пройдя по улице Алькала (Calle Alcalá) в районе Банка Испании (Banco de España), мы оказались на Пласа Сибелес (Plaza de Cibeles) около бывшего Дворца Связи, а ны-

не Дворца Сибелес (Palacio de Sibeles), который поражает своим величием. Он стоит гордо, возвышаясь над площадью. В нём нет надменности, как в сталинских высотках, – он приветливо улыбается каждому путнику, устремившемуся на площадь с Виа Гранде (Via Grande) или Пасео де Риколетос (Paseo de Ricoletos). Здание было возведено по замыслу двух архитекторов, Антонио Паласио и Жакуина Отаменди, за сравнительно небольшое время, став, несомненно, украшением Мадрида. Сейчас в нём музей и великолепная обзорная площадка, которая, по загадочному стечению обстоятельств, именно в день нашего визита была открыта для свободного посещения.

В нескольких кварталах за Дворцом Связи расположился один из самых крупных и при этом самый известный парк Мадрида – Ретиро (Parque del Buen Retiro). Фонтаны, террасы, пруды, монументы окаймляют островки деревьев и лужайки с травой. Растительность, созданная как будто из папье-маше, не выглядит настоящей. Здесь всё слишком чисто и ровно. Природа побеждена человеком, каждое дерево стало памятником: если в них и теплится жизнь, то где-то очень глубоко. Здесь природа – инструмент, а не предмет изучения, она не творит, а созерцает, так как основоположник всего теперь человек. По разглаженной аллее из брусчатки выходим к пруду, где на берегу в солнечных лучах стоит монумент Альфонсо XII. Проходим вдоль берега мимо Дворца Веласкеса (Palacio de Velazques), и в ярком освещении по-

является Хрустальный дворец (Palacio de Cristal). Ажурное стекло, керамический орнамент, будто у здания нет стен и каркаса – оно вышито из света, пластина за пластиной скомпоновано в узор и неведомой силой единой глыбой вырвано из недр земли.

Лиственные и хвойные деревья сменяют друг друга, розариум остаётся позади, парк сходит на нет, а мы сворачиваем вправо к холму с королевской обсерваторией. Несмотря на дневной час, в парке много людей, предпочитающих душным офисам открытое пространство. Они занимаются на тренажёрах, бегают, устраивают велопрогулки. Эти люди знают себе цену и, подобно жителям Манхэттена, предающимся спорту в лоне Центрального парка, используют Ретиро для поддержания здорового образа жизни. Парк остаётся позади, а взору открывается вид на безбрежные железнодорожные терминалы вокзала Аточа (Atocha). Самым любопытным зданием является старый терминал красного камня. Свою функцию он давно утратил, переродившись в нечто совсем неожиданное для подобного рода сооружений. В здании разместился зал отдыха с тропическим парком растений, озером с множеством рыб и огромной колонией черепах, которые, выползая из водоёма на камни, сидят друг на друге из-за нехватки места. В зале ожидания нет привычной столичной суеты, люди общаются тихо, и слышно только, как срабатывают увлажнители воздуха, поддерживая нужный микроклимат на огромном пространстве бывшего вок-

зала.

До закрытия музеев у нас есть три с небольшим часа. Время решено поделить между музеем Тиссен-Борнемисса (Museo Thyssen-Bornemisza) и музеем Прадо (Museo Nacional del Prado). На первый – час, на второй – оставшееся время. Музей Тиссена-Борнемисса основан на выкупленной частной семейной коллекции, собранной двумя поколениями. Здесь фламандская живопись соседствует с немецкой, а итальянская – с нидерландской. Полотна Тициана, эль Греко, Караваджо, Тинторетто безмолвно смотрят на посетителей. Перед глазами возникают теперь уже несуществующие лица давно умерших людей, изменившиеся за столетия пейзажи, панорамы городов, ставших историей. Каждая картина, как дыхание прошлого, подобна взгляду на Млечный путь. И как в небе мы видим звёзды, существовавшие миллионы лет назад, так в этих полотнах – события прошедших веков. Они немые, но им есть, что рассказать, в них нет жизни, но они не бездушны, и каждое из них вызывает эмоции.

Тишину картинной галереи для нас сменяет шум Пасео Прадо (Paseo del Prado) – и мы идём в одноимённый музей. Последние два часа каждого дня музей Прадо привлекает особенно много желающих приобщиться к высокому искусству. И вызвано это не окончанием рабочего дня или спадом жары, а достойной восхищения щедростью испанского правительства. Оно позволяет посетить музей на безвозмездной основе, независимо от гражданства и вероисповедания. И

это практикуется ещё в ряде музеев – как в городской черте, так и за пределами Мадрида – что позволяет даже тем, кто не имеет возможности потратить десятков-другой евро, получить свою частичку духовной пищи. Очередь из желающих вытягивается длинной цепочкой, огибая угол здания, и продолжается вдоль стены, теряясь среди деревьев. Но поток движется на удивление быстро и, несмотря на огромные размеры, доносит нас до главного кассового входа за двадцать минут. Мы получаем на руки билеты и сворачиваем за угол, где вместо ожидаемого чёрного входа оказывается основной.

Музей, подобно нашей Третьяковской галерее и Эрмитажу, обладает колоссальной коллекцией шедевров мирового значения, но, имея ограниченные площади, не может показать и десятой доли своих реликвий. Поэтому в залах находятся только бесспорные жемчужины испанской, фламандской, итальянской и голландской живописи. Веласкес, Рубенс, Рембрандт, Гойя, Дюрер, Босх, Рафаэль – разве возможно перечислить весь пантеон художников, наградивший нас полотнами, выставленными здесь? Среди шедевров неизгладимое впечатление производят сюрреалистические работы Босха, в том числе «Сад земных наслаждений», и демонические творения Гойя, такие как «Сатурн, пожирающий своего сына». Непонятно, каким чудом во времена безраздельно властвующей инквизиции, за любое инакомыслие отправляющей на костёр, Босх мог в своих работах открыто показывать своё представление о рае и аде, о страш-

ном суде и смертных грехах. И что должно было перевернуться в душе Гойи, чтобы от исполнения работ в академической манере он перешёл к творениям, при взгляде на которые кажется, что созданные персонажи вытягивают из тебя душу? Время пролетело незаметно, и, покинув музей, мы с удивлением обнаружили, что солнце уже скрылось за горизонтом и день подошёл к концу.

Утром привычная чашка кофе с круассаном и бокал холодного пива согнали дремоту и подготовили нас к новой встрече с очередным обитателем Мадрида. Ни площади, ни триумфальные арки, ни парки и ни вокзалы не смогут по праву обладать званием самого главного творения Мадрида. Им, конечно же, является Королевский дворец. Резиденция многих поколений правителей когда-то могущественной империи. Дворец, стоящий на холме и занимающий несколько десятков тысяч метров, должен был с самого начала давать понять, что Мадрид не провинциальный город, а столица государства, управляющего не только своими землями, но и обширными территориями в Латинской Америке. Сейчас он не является резиденцией монархов, но с приездом председателя правительства над дворцом гордо взмывает флаг Испании. Сотни залов с разнообразными, иногда причудливыми функциями, роскошь мебелировки, инкрустации и богатая лепнина не уступают Версальскому и Екатерининскому дворцам. И дух того времени до сих пор не покинул эти стены. Дворец окружён парками, аллеями с фонтанами

и скульптурными композициями в классических европейских традициях. Глядя вокруг, представляешь, как испанский двор прогуливался по тенистым скверам, как иностранных послов, ослеплённых роскошью, принимали в тронном зале, какие балы давал сам король.

Мы выходим из дворца и садимся напротив, на ступенях собора. Полина достаёт из рюкзака упаковку хамона и багет ароматного хлеба, я – бутылку воды. Тихая музыка льётся в тени собора: должно быть, кто-то из музыкантов развлекает туристов, надеясь заработать монету-другую своим упорством. Что и говорить, не так уж тяжело живётся местным музыкантам. Их трапеза часто проходит в тех же кафе, где ужинаем и мы. Может, уличные выступления – это просто их образ жизни? «По-моему, нам уже пора», – заявляет Полина. И, ещё раз окинув взглядом фасад здания, мы устремляемся по улице Байлен (Calle Bailen) к площади Испании, где бронзовый Дон Кихот и его бессменный помощник уже готовы ринуться навстречу новой битве.

Вечер пятницы. Как странно... Я думал, что Мадрид каждый вечер после захода солнца просыпается заново в новой ипостаси. Но как я ошибался, думая про каждый день... Возможно, пробуждение имеет место быть, но так резко и непринуждённо Мадрид поднимается на ноги только по пятницам. Он поправляет складки воротничка, трясёт кудрями и разглаживает свою бородку. Он опрятен и свеж. Жизнь только начинается. И город вскипает, камни домов ожива-

ют, из окон пивных льётся свет. И внутри нет ни сантиметра свободного места. Люди, плотно прижавшись друг к другу, стоят у барной стойки, хохот и болтовня сливаются в единый гул. Иногда людская волна выносит кого-то наружу, но чаще заглатывает с упоением, становясь ещё громче. Улицы полны столиков: они стоят на тротуарах и на проезжей части. Они, словно по волшебству, появились ниоткуда, будто были перенесены сюда вместе с людьми, но те, увлечённые беседой, даже не заметили этого. Кувшины сангрии со льдом, красное вино или пиво украшают каждый столик, бережно покрытый бумажной скатертью. Они не ломаются от яств, как принято у нас. Возможно, компания и не закажет больше ничего сегодня, но официант не будет укорять за это и не бросит косога взгляда, как не уменьшится от этого пламенность их беседы. Музыка, улыбки, танцы. Всё кружится перед тобой, набирая обороты. И пусть это последний вечер в Мадриде, но я могу глубоко дышать его праздником. Нет, Мадрид, ты не весь каменный! Твоё сердце горячо и молодо, и я чувствую его биение.

Глава 3.2

Тоledo. Благородный идалго

*Излиться дайте муке бессловесной —
Так долго скорбь моя была нема!
О дайте, дайте мне сойти с ума:
Любовь с рассудком здоровым несовместны.*

Франсиско де Кеведо

В моей жизни всё чего-то стоит: времени, денег, сил. Я постоянно ловлю себя на мысли, что за что-то плачу, причём не просто плачу, а расплачиваюсь. И вместо того чтобы приобрести, с каждым годом только теряю. Быть может, это простой скепсис человека, плавно приближающегося к возрасту Христа, а может, устоявшийся взгляд на мир, отравленный смесью городского смога и телевизионных волн, заполонивших окружающее меня пространство. Даже выходя на балкон восьмого этажа, я стал вместо красочных рассветов видеть только копоть пыльных улиц и унылый ворох домов, измазанных едкой ночной тьмой, словно дёгтем. Я и сам не заметил, как это произошло, словно наркоман, который, после многочисленных доз «закинувшись» в очередной раз, понял, что давно уже попал. Всё вокруг меня измеряется деньгами. И я в том числе. Я чего-то стою, я продаюсь, как и всё. Я

отдаю своё время за бесценок – просто мне больше нечего предложить в обмен на заманчивый шелест расписных бумажек, поговору миллионов людей объявленных универсальным товаром. И эта цветная макулатура, словно в издательство над нами, – единственное, что сделано красочным в нашем сером мире.

Задумывались вы когда-нибудь, сколько весит одна банкнота? Чуть более грамма. Как-то раз я посчитал, сколько бы убралось таких купюр в моей небольшой квартире, если бы её удалось забить под завязку свежими пачками с деньгами. Да, воображение человека сильно сужается, отравленное жаждой денежных знаков. Говорят, люди гибнут за металл... Нет, это давно не так. Металл слишком дорог, его проще заменять бумагой, которую легче получить. Бумагой, которая давно мертва: ещё с того мгновенья, как лесоруб прошёлся по жилам дерева резвыми зубьями своей бензопилы.

Нет, я не сноб, я простой горожанин, который давно согласился на правила чужой игры. Когда-то мне было за это стыдно, но со временем я понял, что в этом нет слабости, как нет отваги в выстреле снайпера, поджидающего, не выглянет ли жертва из окопа. Я просто один из толпы. Без отличительных признаков, без незаурядных способностей и уже без надежд. Вся моя уникальность спрятана только в двенадцати-значной цифре ИНН, и только за эту цифру я действительно могу быть горд, поскольку она неповторима. Она, словно калейдоскоп алкогольного коктейля, сложенного из зна-

ков зодиака, месяцев года и имён учеников Божьего сына, сформировала меня, одного из миллионов. Мне давно хватило смелости признаться себе в этом, я знаю свою ступень в иерархии людей, я знаю свою цену на рынке труда, и, наоборот, не так уж это мало.

Сначала мне казалось, что я чего-то достоин, но со временем люди объяснили мне, что я собой представляю. Я не верил этому, но с каждым следующим разом мои сомнения исчезали, и всё вставало на свои места. Мне удалось занять свою небольшую ячейку в этом муравейнике пищевых цепей, где люди поедают друг друга, оставляя в конце одиноких стариков. Лишь те, кому везёт, не успевают состариться. Я обречён бежать за призрачной выгодой, переводя минуты своего свободного времени в упущенный доход. Это принцип моей жизни, это моя карма, это моя страсть, это моя зависимость. Мне уже не сложно перевести свою жизнь в рубли, доллары, евро. Я могу подстроиться под любой курс. Могу посостязаться с вами, кто больше стоит. Могу заранее представить, на какой машине буду ездить через десять лет, в каком доме буду жить через двадцать и в каком гробу меня похоронят через тридцать. В моей жизни нет места сюрпризам: здесь всё уже составлено и расписано до мелочей. Мне надо зарабатывать больше, чтобы тратить, тратить, тратить. Ведь разве не в этом смысл нашего существования – спустить как можно больше наличности?..

Я просыпаюсь, резко отпрянув от стекла автобуса, и вижу,

что мы стоим в терминале. Нет, это уже не Россия, не тот мир, в котором я жил последние тридцать лет. Это дверь, в которую я случайно заглянул из любопытства – и моя жизнь сделала невероятный кульбит, разрушив, к счастью, все мои планы на дальнейшее бытие. Это Испания, Толедо.

Я стою на мостовой вечного города, где до меня ходили миллионы людей, а после меня пройдёт ещё большее количество. У них тоже свои мучения и проблемы, своя борьба с неустроенностью, свои тайные надежды на что-то. Этот город видел сонмы тел, копошащихся, подобно червям, в прахе мёртвого хищника. Они прогрызали в нём входы в дома, возводили свои башни, прокладывали дороги. В нём они управляли и подчинялись, предавались страсти и отчаянию, создавали и изнывали от безделья. Они переделывали его на свой лад, даже не понимая, что город был их большим домом. И не он был обязан им, а они ему.

Их всех уже нет. Нет лязга повозок, толп праздных гуляк, шума площадей. Люди стали прахом, прах уже много раз подряд – новой жизнью, а город стоит, как прежде. Город, где творили Эль Греко, Сервантес, Хуан де Мена и скульптор Филипе Бигарни. Город, воспетый в произведениях Лопе де Веги и Франсиско де Кеведо. Город, который создавался тремя культурами и от того приобрёл восхитительный колорит и пронзительную душевность. Мусульмане, христиане и иудеи пестовали здесь каждую деталь зданий, каждый проулок, каждую балюстраду, отчего Толедо стал завершённым,

фундаментальным и целостным городом, знающим свою истинную цену.

От арабов толедцам досталось искусство керамики: они переняли у них красочность, волшебную вязь и необычный для глазури керамический блеск. Изделия широко распространились за пределы страны. Толедские шёлковые ткани, отличающиеся живописностью рисунка и высоким качеством, можно было встретить во многих королевских домах Европы того времени. Благодаря мавританскому влиянию зодчество приобрело в Толедо особую нарядность и воздушность, учитывая изящество, пришедшее от арабов, и геометрию и размах – от романского стиля. Соединив в себе разные школы, архитектура здесь воплотилась в своём собственном стиле – мудехар.

Толедо нерушим. Он, словно каменный колосс, расставивший свои кряжистые ноги, обосновался на скалах реки Тахо. А за эти две тысячи лет его монолит по пояс врос в земную твердь. И кажется, ни одна сила на свете уже не способна вырвать его из этого уступа. Он выглядит вечным и может, не конфузясь, стоять в такой плеяде человеческих исполинов, как Иерусалим, Рим или Константинополь. Но он не старик. Сеть морщин, покрывающая его каменистое лицо, образовалась совсем не от лет, а от того колоссального опыта, что накопился за всё время, когда поколения людей стирали сандалии об его мостовые и проливали на его улицах пот, слёзы и кровь. Бурная молодость ушла. Теперь он споко-

ен, но не сонлив. Складки стен обточил ветер, острые башни зарубцевались от времени. Это уже не юнец, а муж. Шрамы успели покрыть его тело крепостными стенами и сгладиться виноградниками на соседних склонах. Толедо не музей и не памятник – Толедо был и остаётся воином, хоть и находится уже на заслуженном покое.

Он успел побыть приграничным форпостом и чеканным двором, столицей и резиденцией епископата, авангардом Реконкисты и провинциальным городком, всё же чтящим свои традиции и не забывающим своих прославленных предков. Долгое время Толедо придерживался принципа веротерпимости, что помогало ему в развитии торговли, искусства и наук. Последние особенно вошли в расцвет в двенадцатом веке благодаря архиепископу дону Раймунду, основавшему в городе «Школу толедских переводчиков». Благодаря ей западный мир пополнился не только арабскими учёными трудами, но и вновь обрёл книги, утраченные после эпохи античности и сохранённые только в витиеватой письменности востока.

От автобусного терминала до исторической части города мы шли сквозь плотную застройку минут десять – и оказались около Ворот Солнца (Puerta del sol). Направо – через живописную арку – витиеватой змейкой в гору карабкались средневековые улочки. Мы же, боясь заблудиться, свернули влево на широкий бульвар, плавно перетекающий в улицу Армас (Calle Armas) и упирающийся в площадь Сокодо-

вер (Plaza de Zocodover). Здесь при Альфонсе Мудром труппы устраивали музыкальные и поэтические турниры, а при Филиппе II, в век инквизиции, палачи соревновались величиной и яркостью костров. В шестнадцатом веке вместо неё хотели возвести Пласа Майор (Plaza Mayor), но «сориентальничали»: католическая церковь наложила своё вето. И Толедо стал чуть ли не единственным историческим городом, который пошёл вопреки этой испанской градостроительной аксиоме.

За площадью уже был виден толедский замок. Доминантой всего города является Алькасар (Alcázar) – средневековая мавританская крепость, построенная на руинах римского форта. Его выгодно выделяют не только общие габариты и высота, но и широкое открытое пространство, окольцевавшее променадом стены дворца. Долгое время здесь была главная резиденция испанских королей, пока Филипп II не принял странного для многих решения о переносе официального двора к северу, в небольшой тогда городок Мадрид.

Мы застали дворец в строительных лесах, словно больного, перевязанного лентами бинтов с проступающими пятнами зелёнки. Его реконструировали в очередной раз, но после осады в 1936 году во время Гражданской войны от него и так практически ничего не осталось, так что все дальнейшие работы можно было бы причислять скорее к перестройке, чем к реставрации.

В тесноте толедских улочек зачастую теряются истинные

масштабы сооружений. Так это произошло с Кафедральным собором Толедо. Его невероятные размеры не ощущаются, когда ты стоишь рядом с ним, и только оказавшись внутри, ты осознаёшь неимоверные габариты этого христианского святилища. Проходя через Портал Львов (Puerto de los Leones), попадаешь в сумрак, но глаза быстро привыкают, и в скором времени невероятный объём внутренних сводов приводит в благоговение и восторг. Потрясение от масштабности собора растворяет в крови адреналин, смешанный с эндорфинами, если, конечно, их сочетание возможно. Но трепет, истинный трепет, коего и хотели добиться зодчие средневековья, охватывает даже таких скептиков, как мы, люди двадцать первого века.

Собор был заложен в 1227 году по повелению Фердинанда Святого на месте мечети. Эталонном для проекта были выбраны готические образцы северной Франции. Но строительство продолжалось более двухсот лет; за это время стили готики, Ренессанса и мудехара сплелись в нечто единое, что и стало основой целостного художественного стиля Кафедрального собора, соединившего в себе масштабность европейской культуры и живописность Ближнего Востока. Не знаю, является ли он самым большим собором в мире, но по роскоши и детализировке интерьера, уверен, превосходит все остальные.

Собор состоит из пяти нефов. Особое впечатление объёмности и многомерности создаёт интерьер, густо украшенный

барельефами, скульптурами и фресками так, что кажется, будто художники старались каждый квадратный сантиметр внутреннего убранства заполнить какой-нибудь информацией. Центр собора занимает хор. Он огорожен от остального пространства высокой мраморной стеной в позднеготическом стиле. Всю внешнюю сторону ограды сплошь покрывают сцены из Ветхого Завета и жизни Христа. Заалтарный образ, возможно, самый лучший пример Испанского стиля: насыщенность фигур, нарядность и разнообразие красок приковывают взгляд и заставляют посмотреть на религиозность с несколько иной стороны. Резчики и скульпторы смогли воплотить здесь самые смелые мечты и приёмы, не имея возможности творить для светского общества так же масштабно, как и для духовного. Но выгравированные сцены несут не только религиозный подтекст. Здесь можно увидеть множество баталий, штурм и защиту городов, сцены из походной жизни. Особенно это прослеживается в рельефах скамей хора, выполненных Родриго де Алеманом. Правда, кроме ратных подвигов, среди зарисовок встречаются мифические животные, великаны и уж совсем фривольные сцены из античной жизни, словно это не церковные пределы, всегда так строго контролируемые канонами, а беседка для романтических встреч.

Над каменными стенами, словно парящие в облаках дворцы, вознеслись массивные органы с тысячами трубок, будто с орудийными стволами. После первого сильного впечатле-

ния начинаешь приглядываться к деталям – и только тогда замечаешь, что Кафедральный собор имеет вовсе не единый образ: уже после окончания строительства он дополнялся мелкими пристроями, такими, как капеллы. Каждая из них подобна отдельному музею. И только профессионалы могут разобраться в чудном наборе статуй, фресок, ризниц, картин и гробниц, заполнившим их объём. Ещё одной невероятной деталью, без которой собор, может, не был бы столь сказочным, являются витражи. Благодаря пурпуру и лиловым тонам, струящимся сквозь цветное стекло, феерия атмосферы обостряет ощущение причастности к чему-то великому.

Мы проходим через клуатр (внутренний двор) к колокольне. Её массивные стены держат вес гигантского колокола, но чтобы добраться до него, необходимо протискиваться по узкому лазу, практически прижимаясь к обеим стенам, на высоту пятиэтажного дома. Наверху исполин, длина одного язычка которого превышает человеческий рост. К сожалению, на куполе колокола появилась длинная трещина, и он уже не может возвещать о праздниках на весь город.

Сквозь запутанные ленты улиц мы добираемся до церкви Санто-Томе (Iglesia de Santo Tome). Вход в неё платный, но причина этому не в необычной религиозной службе или эталонной архитектуре, а в том, что здесь, в основании небольшой колокольни, находится самая известная работа Эль Греко – «Погребение графа Оргаса». Она была написана через двести пятьдесят лет после кончины Руиса де Толедо (жи-

теля городка Оргас) и его погребения в церкви. Это было сделано по заказу священников за то, что граф вносил большие пожертвования – удивительно, что по прошествии такого времени они всё ещё вспоминали об этом. Чуть южнее расположен дом-музей художника, но этот небольшой особняк не имеет ничего общего с реальным двадцатичетырёхкомнатным домом, в котором жил Эль Греко: его настоящий дом не сохранился. Здесь размещены только его картины, а личных вещей нет. Само же здание было воссоздано на руинах дворца. В нём когда-то, ещё до Эль Греко, жил поэт и учёный Энрико Вильена, слывший в народе чернокнижником за свой незаурядный ум и любовь к химическим опытам. Боясь страшной магии, после его смерти король приказал сжечь огромную библиотеку редких книг, которую учёный собирал всю свою жизнь.

Эль Греко стал без малого символом города, соединившись с его духом средневековья и запечатлев в оригинальных образах его людей, архитектуру и пейзажи; он словно слился душой с этим вековым сатрапом. Став известным испанским художником, он всё же оставался уроженцем Крита, но его настоящее имя – Доменикос Теотокопулос – было слишком непривычным для испанцев, быстро заменивших его на прозвище, навечно прикрепившееся к нему. Его стиль был узнаваем и экстравагантен. Тёмные тона, вытянутые формы, острые линии – что-то от греческой иконописи и от импрессионизма прослеживается в его творчестве. Мо-

жет быть, поэтому его работы словно протягивают творческий мост между средневековьем и нашей эпохой.

Ксения Михайловна Малицкая пишет: «Одарённый философским умом, широко образованный, остроумный, с своеобразными художественными нормами, Греко в Толедо нашёл тонких ценителей своего искусства. Приехав сюда, он уже не мог жить вне Толедо. Его художественная деятельность настолько обогатила город, что до сих пор в Толедо едут главным образом для того, чтобы посмотреть созданные Греко шедевры. Толедо, где минарет звучит в унисон с готическими колокольнями, где роскошь мавританской орнаментики преобразует ренессансные мотивы в сказочные фейерверки, где рядом с народными испанскими романсами нередко звучат заунывные восточные мотивы, гармонировало с внутренним обликом живописца Греко, в котором отголоски искусства Крита с его византизмом, широта и смелость художественной манеры венецианцев и монументальность художественных образов Рима слились в своеобразное, поражающее своей цельностью и оригинальностью искусство».

Всю свою жизнь после приезда в Испанию Эль Греко прожил в Толедо, оставив в городе множество полотен. Среди них были не только работы религиозного характера, но и портреты жителей города. И в каждом из них так или иначе прослеживаются какие-то неземные черты, словно художник хотел приписать им вместе с человеческими качествами ан-

гельское начало. Особую экспрессию многим из героев его картин придаёт жестикауляция, положение рук, словно жаждущее передать эмоции немых изображений.

Недалеко от дома, в котором жил Эль Греко, когда-то располагался мавританский дворец. Возможно, там до сих пор сохранились следы ямы, в которую скатывались головы сотен именитых горожан, приглашённых на пир Амрюком в «толедскую ночь» начала девятого века. Их всех вероломно обезглавили, позвав на пир в честь перемирия после того, как они поддержали неудавшееся восстание против арабов. Ошарашенная таким званым ужином, бывшая столица вестготов на несколько веков потеряла желание поднимать какие-либо бунты против Арабского халифата. Правда, после взятия города католиками и дальнейшей реконкисты испанцы тоже не остались в долгу. С присущей тому времени средневековой галантностью, одержав одну из побед, воины триумфально вошли в ворота города, неся на пиках головы своих врагов над живыми пленными. А потом королева Беренгела попросила их забальзамировать и отправить обратно жёнам убитых.

Отрубленные, отрезанные, оторванные головы в городе, кажется, повсеместно, стоит только приглядеться. Даже в аркатуре Ворот солнца, рядом с которыми мы оказались в самом начале, выгравирован медальон, изображающий двух девушек, держащих поднос с головой. По преданию, это голова градоначальника, решившего, что власть даёт ему пра-

во посягать на честь молоденьких жительниц города. Король, однако, был иного мнения, видимо, полагая, что таким правом обладает только помазанник божий, то есть он сам. Именно поэтому тело хозяина городской ратуши было навсегда разъединено с его головой – и это навеки запечатлено на городских воротах.

Дом Эль Греко располагался в Еврейском квартале, в котором сохранились две синагоги. Синагога дель Трансито (*Sinagoga del Transito*), ничем не примечательная снаружи, внутри изумляет великолепным деревянным потолком из резного кедра, украшенным лепниной. Стены густо испещрены изящными орнаментами. В их мотивах, наряду с кастильскими гербами, чётко прослеживается иудейская символика. Среди витиеватых рисунков встречаются и письмена, возможно, из Торы. Но богослужения тут уже давно не проводятся: теперь это музей. Вторая синагога, Санта Мария ла Бланка (*Santa Maria la Blanca*), с самого начала была не совсем синагогой. При постройке это была мечеть, которую затем выкупили зажиточные евреи, чтобы создать здесь свой главный храм; позже она горела, а во время еврейских погромов здесь успели обезглавить предостаточно иудеев. Лишь после этого её сделали христианским храмом, который вскоре вновь забросили. Потом здесь размещалась казарма, а после – склад. И только в позапрошлом веке её объявили памятником и отдали женской монашеской общине. Теперь здесь проводят выставки. Наиболее яркими деталями внут-

ренного убранства являются аркады в форме подков и капители колонн в мудехарском стиле.

Ремесленные мастерские, прильнувшие к узким проулкам, щетинятся сотнями клинков кинжалов, ножей и мачете. Толедо в западном мире был не менее известен в средние века, чем Дамаск на востоке, благодаря мастерству изготовления оружия, которым экипировались самые богатые дворы Европы. Сегодня толедская сталь – дорогой и достойный подарок, который некоторые посетители города рады увезти с собой на родину. Неимоверное разнообразие форм клинков, ажурных ручек, гравировки и инкрустации притягивает к себе так, словно это прилавки ювелирных магазинов. Жаль, что в наше время нельзя носить на поясе оружие. И если у дам статус всё так же, как и в средние века, определяется по серьгам и колье, то мужчинам сегодня остаются только часы и ботинки. Наш век технократии не терпит холодного металла – разве только тот, что приковывает нас к «насиженным местам».

Мир везде одинаков: все сидят на своих цепях. Чьи-то цепи длиннее, чьи-то короче, одни предпочитают из золота, а другие – из несбывшихся надежд. Но все мы, как по указке, волочём их с собой, изматываясь от веса пудовых звеньев и не осознавая, что эта ноша неподъёмна. Мы быстро устаём, сами не понимая, почему. Но не находим сил, чтобы вырваться из придуманных пут. Год от года мы только укорачиваем нашу цепь, изобретая всё новые и новые якоря, за-

путываясь в её узлах и накручивая на себя петли. Кто-то из нас привязан ей к своему дому, кто-то – к семье и друзьям, а я, например, привязан к своему одиночеству и обречён тащить эту цепь за собой до самой смерти. Экзюпери писал: «В нашем мире всё живое тяготеет к себе подобному, даже цветы, клонясь под ветром, смешиваются с другими цветами, лебедю знакомы все лебеди – и только люди замыкаются в одиночестве». Но если нет ни единого шанса избавиться от своей цепи, то пусть она будет ежесекундно натянута до предела, чтобы всегда знать, на что ты способен!

Благодаря реке Тахо, делающей крутой изгиб своего русла, у города с самого начала были чётко сформированы рамки развития и застройки территории. Поэтому даже через триста лет он имеет практически тот же вид, что и прежде: оформленную цельность и неповторимый архитектурный ансамбль, отчего антураж Толедо бесподобен и способен влюблять в себя гостей города. Природа будто с самого начала собиралась защищать его от всех невзгод и, словно заботливая мать, прятала за ущелья, речные пороги и скалы. Застройка хаотична и сумасбродна, узкие улицы петлями извиваются между крепостями, церквями и резиденциями, каменные стены вплотную обступают дома, но эта бессистемность, вписанная в природный ландшафт, и составляет единый облик Толедо – такой величественный, гордый и нерушимый.

Бальтасар Грасиан четыре века назад в «Сатириконе» так

писал о Толедо: «Наковальня ума, школа изящной речи, пример благородных манер». И я, сидя на ступеньках узкой улицы и прислонившись головой к стене, кажется, слышал, как шелестят плащи и звенят шпаги кавалеров, спешно взбегающих по лестнице, как раздаётся звонкий смех благородных дам, как скрипят перья поэтов и историографов. И как дух этих людей до сих пор живёт на улицах древнего, но совсем ещё не старого города.

Глава 3.3

Валенсия. Город просвещённого будущего

Запрещено не трогать, не чувствовать, не думать.

Девиз Музея Науки и.м. Принца Фелипе

На что мы променяли то время, когда прятались от родителей за занавеской, лазили на деревья и соревновались в прыжках через костёр? Когда мы в последний раз катались на ледяных дорожках, стирая подошвы до гладкой поверхности, а потом из-за этого везде поскользывались? И помним ли мы, как ходили морозным утром бить тонкий лёд на замёрзших лужах? Тогда у нас было всё: свои друзья, всегда готовые прийти на помощь, заступаясь за любого из своего двора; свои деньги из конфетных фантиков, на которые мы покупали песочные куличики; свои мечты – изобрести вечный двигатель или полететь в космос; своя первая любовь, которая жила в доме напротив. Наш мир был очень мал и ограничивался лишь нашим районом, но при этом он был огромен и непознаваем, в нём всегда было место открытиям и приключениям. Мы были легки на подъём: выходили во двор по первому зову и возвращались только к ночи. Мы

были добродушны и с готовностью делились со всеми близкими своим немудрёным скарбом. Мы были просто живыми и не потакали чужим желаниям. Нас окружали такие же увлечённые сверстники: мы вместе воровали вишню, вместе стойко выносили порку и вместе мечтали, глядя на звёзды, о том времени, когда станем взрослыми. Мы могли часами смотреть на горящий огонь в костре, а не на его жалкое подобие в мангале. Для нас был истинным деликатесом не шашлык, а жареный хлеб на берёзовом пруте; в угли мы кидали не пластиковый мусор от застолья, а картошку, чтобы её запечь. Мы брызгали с балкона водой на прохожих и привязывали пустые кошельки к ниткам. Но наши шутки не были злыми или пошлыми: мы не издевались над людьми, а просто завлекали их в свою игру.

Мы не знали таких слов, как «тренд», «вай-фай», «нанотехнологии» или «инстаграм». Мы не хвастались телефонами – дома стоял обычный дисковый аппарат, приятно жужжавший при наборе номера на колёсике. Мы не сидели на улице с планшетами, погрузившись в них с головой, а играли все вместе в партизан, индейцев или пиратов. И всё в мире казалось простым: стоило нам закрыть ладошками глаза – и мы ощущали, что спрятались от всех врагов, стоило только помечтать – и мы оказывались в нашей собственной сказке. Мы приходили после школы домой, и нашей единственной обязанностью было сделать домашнее задание и помыть за собой посуду. Нам ещё не нужно было заботиться об одежде,

еде, платежах, поздних звонках или болезни родителей. Даже самая большая проблема, казалось, решится, если немного поплакать и сильно-сильно кого-нибудь попросить.

Мы не понимали смысла таких взрослых слов, так «измена», «чревоугодие», «алчность» или «гордыня». Мы не желали быть великими, но хотели быть на кого-то похожими. Мы не желали наесться до отвала, но хотели всё попробовать. Мы не желали быть жадными, но хотели, чтобы у нас было всё. Для нас даже зависть была всего лишь небольшой слабостью: мы хотели такие же новые джинсы, такой же синий велосипед, такой же игрушечный вертолёт. А самым большим преступлением было предательство друзей, но никто и помыслить всерьёз не мог, что это может кого-то из нас коснуться.

Мы запоминали названия птиц, грибов и деревьев, а не марки дорогих автомобилей или часов. Мы интересовались полётами на Луну, а не тем, какие капиталы у воротил из списка Forbs. Мы мечтали очутиться на Северном полюсе, а не на Мальдивах. Нам не нужны были дачи, квартиры, яхты или дорогие отели, мы не знали разницы между бизнес-классом и первым, «Louis Vuitton» и «Gucci», «Dom Perignon» и «Pol Roger». Мы не мерились друг с другом счетами в банках или дороговизной автомобилей. В разговоре с собеседником мы не обращали внимания на его часы или обувь. Писком моды для нас были полосатые кроссовки и кварцевая «Электроника» или «Монтана». И вечная фраза «один за всех и

все за одного» была не пустым звуком и клише из кинофильма, а главным принципом жизни.

Для нас не было преград, не было неразрешимых ситуаций, мы дышали полной грудью и знали, что всё ещё впереди. Мы были молоды и, может быть, чуточку наивны, но наш энтузиазм преодолевал любые препятствия. Что же стало с теми нами, готовыми, не боясь, идти к своей настоящей мечте, которая не измерялась длинным рублём, обладавшими лишь чистой одеждой на следующий день и единственным талоном на обед в столовой? Но багаж наших идей и начинаний был неизмеримо больше любого клада, зарытого флибустьерами среди тропических джунглей, и ни один скептик тогда не мог отговорить нас от какого-либо безумства. Что стало с теми балеринами, полярниками, актрисами, лётчиками, ветеринарами и писателями, которыми мы хотели стать? Что стало со всеми нами? Быть может, мы просто повзрослели, а может, они всё ещё живут где-то внутри нас...

Площадь Правительства (Placa de Ajuntament) вспыхнула перед нами фейерверком пальм и каскадом нарядных зданий. Светлый камень и изогнутость линий уже не напоминали ни мадридский королевский стиль, ни толедский мудехар. Здесь было что-то неуловимое от Флоренции, Ниццы и других городов Ривьеры, воспитанных на итальянском ренессансе и барокко. Красные скамьи тонули в алых цветах. Шероховатый асфальт был сплошь изрисован дорожной размет-

кой, будто детскими мелками. Точёные витражи зданий прятали за своей «тонировкой» рестораны и банковские офисы. Какая-то особенная нарядность и праздничность ощущалась здесь. Я приехал на средиземноморское побережье Испании, чтобы ещё раз почувствовать себя ребёнком и проехать от города Открытий, Валенсии, к городу Свободы, Барселоне, по высокому берегу Иберии.

В приподнятом настроении мы зашли в местную орчатерию. Этот вид заведений встречается только в Валенсийском автономном сообществе. Орчата здесь считается национальным напитком и потому продаётся как в кафе, так и с лотков на улице. По внешнему виду она напоминает стакан топлёного молока, а по вкусу – миндальный напиток. На самом деле в ней нет ни того, ни другого. Она изготавливается из клубней травы чуфа, воды и сахара и подаётся охлаждённой.

Осушив по стакану напитка, мы углубились в самую отдалённую часть центральной площади и вышли через улицу Марии Кристины (Avinguda de Maria Cristina) к небольшому проулку Сан Фернана (Carrer de Sant Fernan). Здесь наш взгляд привлекли милостивые столики с белыми бумажными скатертями и свечками в зеленоватых стеклянных подсвечниках. И стоило нам лишь немного замешкаться, как синьора, улыбаясь, уже пригласила нас на «Меню дня». Мы не успели заметить, как на столе появилась корзина с хрустящим багетом, тарелка с гаспачо и тушёное мясо с дольками картофеля и овощным соте. А украшением основных

блюды стали бокал сухого вина и маленькое пирожное. Чуть вдалеке виднелось старое здание Центрального рынка; люди неспешно проходили по улице, и было невозможно определить, от цветочных ли горшков за металлическими балкончиками четырёхэтажных зданий, или от деревьев шёл тонкий аромат, возбуждавший в нас аппетит к местным гастрономическим изыскам.

Еда была лёгкой и вкусной, мы приятно провели полчаса, но пора было двигаться дальше. Оставив на столе двадцатку, мы поднялись и отправились в путь. Однако вслед за нами выбежала официантка с просьбой оплатить обед, очевидно, не поверив в нашу честность. Ситуация быстро разрешилась, но мы в очередной раз ощутили, что не похожи на благопристойных граждан сонной Европы.

Где-то в глубине осталась Площадь Королевы (Plaza de la Reina) с Кафедральным собором. Он известен тем, что в его стенах хранится чаша Святого Грааля, в которую, по преданию, была собрана кровь из ран распятого Иисуса Христа. Это единственный Грааль, признанный Ватиканом. Мы же, обогнув Центральный рынок, оказавшийся огромным зданием, инкрустированным глазурованной плиткой, со шпильеобразными арками, свернули к югу – в сторону железнодорожного вокзала. Слева от центрального входа в здание четырьмя уровнями замкнулось кольцо арены для корриды. Когда-то она принимала бои с быками, собиравшие множество поклонников. Пощекотать свои нервы сюда прежде при-

езжали многочисленные зрители. Поклонники формировали целую культуру, посвящённую схватке человека и животного, и последователей в Испании было, возможно, больше, чем сейчас любителей футбола.

Тореро грациозно танцевали с десятицентнерным быком, протыкая его мускулистую шею шпагой, и за своё мастерство, отвагу и мужество становились самыми известными людьми в стране. Но прошли уже десятилетия, как коррида перестала быть национальной гордостью государства, сохранив свои традиции только в нескольких странах Латинской Америки, а на бывших аренах теперь показывают шоу. Прошли времена Хосе Гомеса Ортега и Хуана Бельмонте, когда матадоры были в зените славы, а люди, полагаю, калечились на аренах не реже, чем убивали быков. Теперь же быки становятся известны как часть цирковой труппы: их знают по кличкам, и они, словно звёзды шоу-бизнеса, колесят по дорогам страны, давая представления в разных городах Испании. Сострадание взяло верх над насилием.

Мне сложно дать объективную оценку боям быков. Возможно, это проявление культуры, возможно – чрезмерной жестокости. Свою первую и единственную корриду я видел в восемь лет. Тогда на песчаный круг друг за другом выходили нарядные помощники, пикадоры, бандерильеро. Но самым красивым был лоснящийся от здоровья и энергии бык. Он бодро гонялся за размахивающими капотами людьми, убегавшими от него за красную деревянную ограду. Розовые и

жёлтые всполохи плащей носились по всему кругу, всё больше раздраживая зверя. Затем выходили лошади – с них наездники с пиками тиранили шкуру быка. Неравная схватка разворачивалась на моих глазах, когда рога чёрного дьявола пытались проткнуть подбрюшье кобыл, а те, полностью ослеплённые тёмными шорами, не могли понять, что с ними происходит. Они подскакивали вверх от невиданной силы быка, но держались на ногах до тех пор, пока бык, сумев развернуть лошадь от стены арены, не опрокидывал её навзничь вместе с ездоком. Сейчас кобыл защищают специальной попоной, но раньше, говорят, смертность среди них была колоссальной.

И даже справившись с ездоками, бык не получал покоя. После них на арену выходили бандильеро. Они, окружая исполуина, подобно рою пчёл, раз за разом втыкали в его загривок цветные крюки, которые затем, словно сноп лент, колыхались на его шее, но были отнюдь не праздничными украшениями, а скорее траурными лентами, возвещавшими скорый приход на арену тореадора. Последний бой оставлял мало шансов быку: ослеплённый ненавистью и жаждой мести, он уже не мог противопоставить свою силу и быстроту реакции холодному расчёту и гибкости тореро. Очень редкие экземпляры этого племени уходили на заслуженный покой, большинство же колыхалось безмолвными тушами на крюках мясных цехов, устроенных под трибунами. Я видел освежёванные тела тех героев, которым не повезло в схватке с

человеком, – их красное мясо с белоснежными прожилками ещё будто кипело необузданной силой животных, навсегда покинувших этот мир и переместившихся под покровительство Аписа или Мневиса в святилище города Атарбехис.

Нет более таких схваток и нет тех людей, кто самоотверженно отдавал свою жизнь на волю случая. Человек будто помирился с природой, в реальности же не оставив ей шансов ответить ему на равных. Я смотрел на каменный круг Пласы де Торос (Plaza de Toros), представляя, что и он так же, как когда-то Колизей, становится просто историей, которую через сто лет будут вспоминать как жестокое и ничем не обоснованное издевательство над животными, а не как элемент культурной жизни людей.

Пройдя вдоль металлического частокола железнодорожного вокзала, мы вышли к проспекту Королевства Валенсии (Av. Del Regne de Valencia). Среди нагромождения каменных махин он показался нам удивительной зелёной лентой, будто вбирающей живительные соки из города и резво стремящейся к старому руслу реки Турия. Бортики стриженных кустов, султаны пальм, дощатые скамейки импонировали провинциальным уютом и спокойствием. Вдоль пешеходных дорожек на прямоугольных пятачках земли располагались песочницы для выгула собак, трёхглазые светофоры подмигивали редким автомобилям, шуршащим шинами по асфальту. Незаметно для самих себя мы вышли к Каррер дель Алькальде Рейг (Carrer del l'Alcalde Reig); здания ушли в тень –

и перед нами открылась пустота...

Посадочные огни космической станции плотно обступили улицы, оттеснив их от парковой зоны. На освободившейся обширной территории уже стояли огромные шаттлы инопланетных цивилизаций. Скелетообразные остовы, светящиеся раковины фантастических моллюсков, шарообразные коконы, будто из фильмов про внеземную жизнь, заполнили лоно парка в Городе Наук и Искусств. Ночное освещение делало их ещё менее реальными, и сложно было поверить, что они абсолютно земного происхождения.

После многочисленных паводков и затопления города муниципалитет Валенсии решил отвести реку Турия чуть севернее от городской застройки, а на освободившейся площади сделать парк. В 1991 году архитектор Сантьяго Калатрава запроектировал Город Наук, который не просто живописно вписался в существующий ландшафт, но и стал самым посещаемым местом среди всех городских достопримечательностей. При взгляде на невероятные космические сооружения представляется далёкое будущее – минимум через полвека, а то и вовсе через сто лет. А ведь все эти чудеса появились здесь целых двадцать лет назад, но за прошедшее время не стали менее футуристичными. Плавность изгибов бетонных арок, нарочито выделенные каркасы, словно остовы доисторических животных или раковины гребешков, раскрывают истинную гениальность архитектора.

Законченный образ всего Города Наук и Искусств мно-

гократно усиливает впечатление от каждого сооружения в отдельности, при этом ни на йоту не уменьшая уникальности каждого из них. Имя любого из пяти объектов звучит, словно музыка. Палау де лес Артс (El Palau de les Arts Reina Sofía) представляет собой каплевидное здание, напоминающее головоногого моллюска. Сверху его каркас накрывается невероятной консолью со стометровым вылетом, и если для обычного глаза это смотрится красиво и гармонично, то для конструктора кажется сущим кошмаром. Эта многотонная часть здания, словно парящая в воздухе, имеет только одну точку опоры. Дворец искусств состоит из четырёх сцен для театральных постановок, оперы и концертных выступлений. Футуризм наружного исполнения продолжает своё развитие во внутреннем интерьере.

Хемисферик (L'Hemisfèric) похож на гигантское око, высматривающее из морских глубин звёздное небо. Пржилки его радужной оболочки прячут в глубине громадный купол, позволяющий проецировать на свою внутреннюю поверхность видео невероятного разрешения, а база данных хранит трёхмерные карты звёздного неба от ведущих астрономических институтов и НАСА.

Музеу де лес Сиенсис (El Museu de les Ciències Príncipe Felipe) выставил хребет и растянул длинные лапы лестниц к Оранжеее (L'Umbracle). Его кости, будто прячущие брюшную полость, накрыли собой пространство площадью в сорок тысяч квадратных метров. Он немного склоняется на-

бок, к пруду, подставляя своё стеклянное подбрюшье утреннему солнцу. Главная цель музейного комплекса – пробудить в юных посетителях любопытство и завлечь их в научный процесс, предлагая принять активное участие в опытах. Благодаря этому популярность выставок не угасает год от года, притягивая к своему фонтану знаний по два миллиона посетителей за сезон.

Огромный лазурный гребень Площади Агора (L'Аgora) рассёк водоём и взметнулся ввысь на восемьдесят метров, едва не превзойдя шпиль соседнего моста, отделяющего одну часть Города Наук и Искусств от другой. Как и у древнегреческого аналога, предназначением площади стало проведение публичных мероприятий, чему способствует конструкция самого здания: оно не имеет ни единой внутренней колонны и даёт полную свободу оформлять зал особо для каждого конкретного мероприятия.

Последним комплексом в архитектурном ансамбле Калатравы является Океанографик (L'Oceanografic). Он разлётся среди широкого бассейна, словно раскрывшаяся раковина тридакны. В его чреве нашли пристанище десятки тысяч животных почти из десяти типов экосистем. Здесь можно пообщаться с морскими котиками, увидеть ночное шоу под классическую музыку в дельфинарии, полюбоваться обитателями Красного моря, Арктики и других регионов, даже поплавать с акулами. Весь комплекс состоит из дюжины зданий, но основная часть его расположена под землёй, где спрята-

лись самые большие аквариумы с панорамным остеклением и прогулочными тоннелями.

С утра мы вернулись к Городу Наук и Искусств. Нам очень хотелось попасть внутрь океанариума, но огромная очередь в билетную кассу не оставляла нам на это шансов – недостаток времени ощущался с каждым часом всё сильнее и сильнее. В конце концов нам не осталось ничего, кроме как вернуться на автовокзал и распрощаться с городом, соединившим в себе глубокую историю и новаторское будущее.

Глава 3.4

От Жироны до Фигераса.

Искусство до кончиков усов

Каталонская мысль всегда рождается заново и живёт в своих простодушных могильщиках.
Франсеск Пужольс

Их нет. Я упорно вглядывался в прозрачные воды Онья-ра. На светлом песке мелькали тени, но тени эти были неподвижны. Они исчезли. Я старался уловить движения, но то были лишь колыхания водорослей и преломления силуэтов коряг. Сначала я пребывал в некотором недоумении, а потом совсем расстроился. Ведь одним из самых ярких воспоминаний о Жироне, встретившей меня двадцать лет назад, были огромные рыбы, водившие свои размеренные хороводы среди двух каменных бортов, сжимающих тисками русло реки. Где они, чёрные исполины, гладившие своими гибкими телами песчаные отмели, непроницаемые призраки, скользившие в жидком эфире, густые тени, разрезавшие водную паутину? Им больше нет дороги в наш мир. Словно подчёркивая, что годы изобилия прошли бесследно, их вымыло из палитры набережных Жироны, а взамен ей остались только одинокие особи, раз за разом заходящие на очередной тра-

урный круг.

Я уже совсем было расстроился, предполагая, что прошлого не вернуть, но вот пятна на воде стали сгущаться, облака, словно чернила каракатицы, расплзлись в прозрачной реке, и я понял: они вернулись. Всполохи золотой чешуи водной ряби вобрали в себя темноту ночи, и косяк за косяком стали водить хороводы у моста Понт де Сант Фелиу (Pont de Sant Feliu). Всё стало так, как и было раньше.

Старый город завернулся в ленту римских укреплений, будто дожидаясь кого-то, да так и заснул здесь, наверное, уже навсегда. Его мерное дыхание ещё разносится по улицам, но он уже изрядно замшел, а его кожа иссохла и покрылась паутиной трещин. Его тело заселили такие же пожилые люди, как и он сам, и теперь им вместе только и остаётся, что нежиться в лучах солнца, пригубливая вино и прокручивая в памяти кино из прошлого. Прошлого, где ещё можно было делать выбор и где было столько возможностей.

Мы без суеты побродили по узким проулкам района Барри-Вьель (Barri Veil), зашли в Кафедральный собор и исследовали руины старых зданий возле крепостной стены. Необычайной тишиной и размеренностью пронизан воздух этого города. Словно боясь заразиться этим вирусом спокойствия и неги, мы бессознательно стремились куда-то ещё. Наконец, решив не искушать судьбу, мы отвели на знакомство с Жироной лишь половину дня, оставив вторую часть на другой средневековый город поблизости.

Безусловно, одним из главных культурных достояний Испании является наследие Сальвадора Дали. Поэтому мы отправились в музей, расположенный в городке Фигерас и спорящий с замком Пуболь и домом в Порт-Льигате за звание самого известного места, связанного с жизнью художника. Огненные стены с яйцами вместо зубцов бойниц выглядели необычайно эклектично. Особую праздничность укрепления придавали хлебцы в форме трёх спаянных сфер, орнаментом расположившиеся на стенах. Эта часть здания поглотила старый форт, защищавший средневековый город от врагов. Венчал музей стеклянный купол, ставший символом этой испанской комарки. Все подходы к центральному portalу были инкрустированы работами художника. Здесь нас встречали скульптуры «Памяти Ньютона» и философа Франсеска Пужольса, три статуи Эрнеста Мейсонье и обелиск из четырнадцати телевизоров с женской головой на вершине.

Мистик и декоратор тёмной стороны жизни, Дали существовал в своём иллюзорном мире. Он пытался не замечать хода времени, вновь и вновь изображая на полотнах расплавленный циферблат, как остановившееся мгновение. Сколько странных героев прижились в нашем мире благодаря воображению Дали, невзирая на то, что его нет в живых уже несколько десятилетий! Любому гению уготована сложная судьба. Хотя сильная любовь к Гале украшала его жизнь, не думаю, что он был счастлив, живя в своём собственном

мире воображаемых событий и невероятных персонажей, слишком удалённом от обычных людей. В отличие от Пабло Пикассо, работавшего на потребу публике, Дали творил в первую очередь для себя, и только благодаря своей музе Гале добился коммерческого успеха.

Я бродил по галереям музея-театра, всматриваясь в эпизоды, отпечатавшиеся в полотнах, и мне казалось, что герои одного и того же сюжета просто переходят с картины в картину, пока я перевожу между ними взгляд. Что это одно и то же произведение, только я заглядываю в рамы, будто в дверцы времени, подхватывая какой-то миг из общей нити повествования. Я был абсолютно уверен, что это действительно не просто музей, а театр, где до сих пор идёт грандиозное представление, задуманное когда-то Дали, а мы в нём играем роль одновременно и зрителей, и участников постановки. Весь антураж дышал аллегориями и иносказаниями. Смысл вещей менялся в представлении художника, их симбиоз создавал сюрреалистичные картины: лицо Мэй Уэст, сформированное деталями интерьера, страус на человеческих ногах и с головой в брюхе, входной портал в форме лица с початками кукурузы и множество других обыденных вещей, применённых самым нестандартным образом. Я всегда ценил авторов, которые предоставляли свободу воображению зрителя и давали ему возможность самому домыслить развязку сюжета, а в этом плане Сальвадор Дали щедр, как никто иной. Он только приоткрывает уголок бархатной ширмы, за кото-

рой прячется в темноте безумный мир неисчерпаемого воображения.

Заключительной нотой в созерцании творчества Дали для нас стала сокровищница, где были выставлены произведения художника, в которых он раскрывался как ювелир. Эта экспозиция стала доступна уже после смерти гения, но и в ней воскресают уже знакомые нам герои его миров. Эти украшения зачастую не имели утилитарного предназначения, но при этом они являются настоящими шедеврами ювелирного искусства. Ангельские крылья с серебряными перьями, инкрустированные алмазами, золотой слон на комариных ногах и с хрустальным обелиском на спине, кубический крест из кораллов и золота, русалка с изумрудной чешуёй и пульсирующее рубиновое сердце с императорской короной – всё это очаровывает безумством воображения и количеством применённых драгоценных камней и металлов.

Мир Сальвадора Дали уже давно отделился от автора и живёт своей собственной жизнью, и мне кажется, что он способен теперь к саморазвитию и определению своего места среди культурных памятников человечества. Хотя нет... Почему же памятников? Он продолжает сверкать новыми гранями и открывать потаённые доселе двери, а значит, он не застыл в камне или гипсе, а по-прежнему дышит, как дышал его автор ещё несколько десятилетий назад, и будет готов удивлять пытливых наблюдателей снова и снова.

Глава 3.5

Барселона. Янтарная камедь Каталонии

*Я в этом городе раздавлен небесами. И здесь,
на улицах с повадками змеи, где ввысь растёт
кристаллом косный камень, пусть отрастают
волосы мои.*

Федерико Гарсия Лорка

Сегодня я видел сон из прошлой жизни: я заперт в бетонной крепости типовых сорока двух квадратных метров. Я хочу узреть мягкий снег, окунуться в белоснежную пелену полей, пробежать вдоль снежных заструг, но из окна вижу лишь серые пятна грязной пороши и слежавшиеся пласти наста. Я хочу любоваться зелёными полями, вдыхать ароматы цветов, но вместо этого наблюдаю пыльные парки и закашлявшиеся от выхлопных газов тротуары. Я желаю мчаться вперёд, что есть сил, поднимая столбы потонувшего в веках праха, но бездушная серость цементированного камня накладывает для меня запрет на любые движения. Я могу лишь наблюдать за жизнью сквозь пыльное окно, за которым люди строят свои замки, веря, что границ нет. Я закован и спрятан в своей коробке, как домашний питомец с миской для еды и питья, с ковриком для сна и лотком с эконополни-

телем. Здесь всё ненастоящее, здесь всё – подмена. Но это моя прошлая жизнь, та, в которой я существовал и которую оставил в надежде увидеть, что там, за горизонтом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.